

Медленно

Евгений Павлов

18+

18+

Евгений Павлов

Медленно

<https://litres.ru/73787364>

SelfPub; 2026

Аннотация

Dark romance. Психологическая драма. Метапроза

Я, Мира Ветрова, успешная писательница любовных романов. Мои героини пьют зелёный чай, бегают по утрам и находят «правильную» любовь, которая не требует жертв. Меня от них тошнит. Внутри меня живут тёмные фантазии, которым нет места в моих книгах.

Однажды я решаюсь и создаю Кайроса идеального антигероя. Опасного, жестокого, одержимого. Я бросаю красный кубик d20, чтобы определить его судьбу, и сама не замечаю, как становлюсь частью игры.

Кайрос оживает. Он больше не марионетка. Он утверждает, что это он управляет бросками кубика и знает обо мне всё, чего я сама боюсь. В моём романе появляется Альта моё альтер-эго, та, кто не боится подчиняться и шептать «медленно» даже тогда, когда больно.

Теперь я больше не просто автор. Я демиург, который потерял контроль над своим творением. И самый страшный вопрос, который мне предстоит решить: смогу ли я остановиться, если границы между реальностью и вымыслом окончательно рухнут?

Содержание

Глава 1. Утро, которое не начиналось	4
Глава 2. Тень	12
Глава 3. Комната без окон	20
Глава 4. Кофе с корицей	30
Глава 5. Ресурс	38
Глава 6. Первое прикосновение	49
Глава 7. Правила игры	61
Глава 8. Сцена на столе	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Медленно

Глава 1. Утро, которое не начиналось

Кофе остыл. Я смотрю на кружку уже пятнадцать минут, и за это время она успела перейти из состояния «священно» в состояние «мерзость, которую можно вылить в раковину». Но я не выливаю. Потому что тогда придётся встать, а вставать — значит признать, что день начался. А я не готова.

За окном — серое небо Петербурга. Кажется, в этом городе небо всегда серое, независимо от географической широты. Я живу здесь пять лет, но так и не научилась отличать утро от вечера по цвету за окном. Только по уровню шума за стеной: если сосед сверху включает перфоратор — значит, ещё не поздно. Если делает это сосед снизу — уже слишком рано.

Сейчас тихо. Значит, воскресенье.

Я Мирослава Ветрова. Для друзей — Мира. Для издательства — автор бестселлеров в жанре «женская проза с намё-

ком на глубину». Для себя — человек, который уже три года не может написать ничего, что заставило бы её саму задерживать дыхание.

Мои книги любят. Их покупают, читают в метро, обсуждают в книжных клубах. Героини моих романов — сильные, независимые, с правильными жизненными ценностями и идеально подобранными свитерами оверсайз. Они пьют зелёный чай, бегают по утрам и в конце концов находят любовь, которая не требует жертв. Всё чинно, благородно, безопасно.

Меня от них тошнит.

Не сразу. Первые два романа я писала с искренней верой, что так и надо. Третий — с лёгкой неуверенностью. Четвёртый — уже зная, что обманываю и себя, и читательниц. Пятый... пятого не будет. Потому что я больше не могу писать о любви, которая не пахнет кровью.

Я делаю глоток холодного кофе. Горько. В самый раз.

Передо мной на столе — ноутбук с мигающим курсором. Чистый лист. Я смотрю на него уже час. Иногда мне кажется, что курсор мигает насмешливо: *«Ну давай, напиши что-нибудь. Что-нибудь правильное. Что-нибудь, за что тебе не*

будет стыдно утром».

А мне хочется написать то, за что будет стыдно. И страшно. И от чего будет кружиться голова, как после третьего бокала вина на пустой желудок.

Я вспоминаю вчерашний разговор с Алисой.

— Мира, ты просто выгорела, — сказала она, поправляя рыжий локон, выбившийся из пучка. — Устрой себе неделю безделья. Сходи в спа. Переспи с кем-нибудь.

— С кем? — усмехнулась я. — С курьером из «Яндекс.Еды»?

— А почему нет? Он хотя бы приносит тебе пиццу, а не разочарования.

Алиса — мой литературный агент и, по совместительству, единственный человек, которому я могу сказать «мне кажется, я разучилась хотеть». Она не посоветует «попить травки» и не отправит к психологу. Она посоветует трахнуть с незнакомцем и прописать этот опыт в новом романе.

— Ты знаешь, какой жанр сейчас в топе? — спросила она, переходя на деловой тон. — Dark romance. Тёмная романти-

ка. Морально серые герои, которые делают больно, а потом целуют шрамы. Одержимость. Запретная страсть. Всё то, от чего у бабушек в метро случается сердечный приступ.

— Я не умею писать таких героев, — ответила я. — Мои мужчины пьют смузи и уважают личные границы.

— Вот именно. Поэтому твои книги и не продаются так, как могли бы. — Алиса допила вино и посмотрела на меня с вызовом. — Мира, ты боишься своей тени. Ты боишься написать то, что сама хотела бы прожить. А ведь именно этого ждут читательницы. Они хотят, чтобы ты сказала им: «Девочки, ваши грязные фантазии — это нормально. Идите и наслаждайтесь».

Я тогда промолчала. Но сейчас, глядя на мигающий курсор, понимаю: она права.

Я не просто выгорела. Я перестала врать себе, что мне нравится безопасная, предсказуемая жизнь, где самое острое ощущение — случайно пролитый кофе на клавиатуру.

Я хочу страха. Я хочу боли, которая переходит в удовольствие. Я хочу потерять контроль и не знать, смогу ли его вернуть.

Но я не знаю, с чего начать.

Я закрываю глаза и представляю... что?

Не лицо. Не имя. Не сюжет.

Сначала — запах. Табак и старая кожа. Дождь. Что-то металлическое, как кровь на морозе.

Потом — голос. Низкий, хриплый, с ленивой усмешкой человека, который не привык повторять дважды.

«Ты думаешь, что создаёшь меня. Но я уже здесь. Я всегда был здесь. Просто ты боялась открыть дверь».

Я открываю глаза. Пальцы сами ложатся на клавиатуру.

Пишу одно слово.

Кайрос.

Не знаю, откуда оно взялось. Может, из сна, который я забыла. Может, из книги, которую не написала. Но оно сидит в горле, как косточка от вишни, которую случайно проглотила в детстве. Не больно, но чувствуется.

Я печатаю дальше.

>Кайрос вошёл в комнату. Она не слышала шагов — только скрип половиц под его весом. В руке он держал красный кубик. Грани блестели в свете свечей.

>

>— Ты вызвала меня, — сказал он. Не спросил. Утвердил.

>

>Она молчала. Потому что не вызывала. Или вызвала — сама того не зная?

>

>— Каждый раз, когда ты мастурбируешь в ванне, представляя чужие руки на своём теле, — продолжал он, — ты бросаешь кубик. Ты не видишь результат, но я вижу. И я прихожу.

>

>Она хотела спросить: «Кто ты?». Но вместо этого спросила: «Что вышло?»

>

>Он улыбнулся. Криво, опасно.

>

>— Двадцать. Критический успех. Поэтому я здесь, а не просто в твоей голове.

>

>— Но тебя не существует, — прошептала она.

>

>Он подошёл, взял её за подбородок, заставил смотреть в глаза.

>

>— Тогда почему тебя трясёт?

Я останавливаюсь. Перечитываю. Перечитываю ещё раз.

Это не похоже на то, что я писала раньше. Это грубо, резко, без правильных оборотов и душеспасительных моралей. Это — выстрел в упор.

Мне страшно. И мне нравится мой страх.

Я смотрю на красный кубик d20, который всегда лежит на столе — талисман, доставшийся от бывшего, который верил в случайность. Я никогда им не пользовалась. До сегодняшнего дня.

Я беру кубик, сжимаю в кулаке.

— Не переброшу, — шепчу я. — Что бы ни выпало.

Бросаю.

Кубик падает на стол, ударяется о кружку с холодным ко-

фе, крутится и замирает.

17.

Я смотрю на цифру. Потом на экран, где мой незнакомец по имени Кайрос сжимает подбородок девушки, которую я ещё не придумала.

— Игра началась, — говорю я пустой комнате.

Курсор мигает. Я улыбаюсь. Впервые за долгое время — не для галочки, не для соцсетей, не для издательства. По-настоящему.

Я делаю новый глоток кофе. Он всё ещё холодный. И всё ещё горький.

Но теперь мне кажется, что в этой горечи есть что-то живое.

Конец первой главы.

Глава 2. Тень

Я не спала. Не потому, что не хотела. Просто каждый раз, когда я закрывала глаза, видела его. Кайроса. Он стоял в углу комнаты — не в моей квартире, а в какой-то другой, с высокими потолками и тяжёлыми портьерами. Он молчал. Только смотрел. И от этого взгляда у меня горела кожа.

В три часа ночи я сдалась. Села за стол, включила лампу. Ноутбук открылся на той самой странице, где я написала: «*Кайрос вошёл в комнату*». Текст не изменился. Курсор мигал всё так же насмешливо.

— Ты здесь? — спросила я в пустоту.

Никто не ответил. Но мне показалось, что свеча на столе дрогнула.

Я понимала: у меня есть персонаж. Острый, опасный, с голосом, который я слышу слишком отчётливо. Но нет сюжета. Нет героини. Я не могу написать роман, где он просто стоит в углу и смотрит. Ему нужна пара. Ей нужно имя.

Я открыла новый документ и написала: «*Альта*».

Сокращение от «альтер-эго». Или от «альтернатива». Я ещё не решила.

Я достала из ящика стопку старых журналов — «Vogue», «Interview», какие-то потрёпанные каталоги. Алиса когда-то притащила их для коллажей, но я так и не нашла времени. Теперь время пришло.

Я начала вырезать лица. Не те, что с обложек, с идеальной кожей и ретушью. А те, что на разворотах — живые, с морщинами, с веснушками, с характером. Первое лицо показалось мне слишком мягким. Второе — слишком жестким. Третье...

Я замерла. На меня смотрела девушка с чёрно-белой фотографии. Не модель, скорее актриса из старого европейского кино. Светлые волосы, почти белые, падают на лицо. Глаза светлые, но не пустые — в них есть тайна. И лёгкая улыбка, которая может быть и насмешкой, и приглашением.

Я приклеила это лицо в центр чистого листа.

— Теперь тело, — сказала я вслух.

Рылась в журналах ещё час. Нашла снимок танцовщицы в

длинном чёрном платье с разрезом до бедра. Тонкая, гибкая, с резкими ключицами и длинными пальцами. Не красавица в классическом смысле — в ней была порода. Опасная порода.

Я вырезала и приклеила.

— Шрам, — вспомнила я. — У неё должен быть шрам. На левом бедре. Старый, белый, как след от ножа.

Я взяла красный маркер и провела тонкую линию там, где под платьем начиналось бедро. Почему шрам? Я не знала. Но чувствовала, что без него Альта будет неполной. Как кукла без трещины — скучной.

Я откинулась на спинку стула и посмотрела на коллаж. Она была готова. Белые волосы, светлые глаза, хрупкое тело, старый шрам. Она напоминала меня — и одновременно была другой. Той, кто не боится раздеться при свечах. Той, кто шепчет «даже когда больно». Той, кто не убегает.

— Кому ты должна понравиться? — спросила я у коллажа.

Ответ пришёл мгновенно. Не мне. Ему.

Я взяла красный кубик d20 — тот самый, который выпал

семнадцатью часами раньше. Он был холодным, но мне показалось, что он нагревается в пальцах.

— Я брошу тебя трижды, — сказала я кубику. — На внешность, на характер, на роль. И что выпадет — то выпадет.

Первый бросок. Кубик покатился по столу, сбил ластик, замер.

19.

— Внешность — критический успех. — Я записала цифру на полях коллажа. — Она будет красивой. Но не идеальной. С изъязном.

Второй бросок.

14.

— Характер. Она будет упрямой, но не глупой. Она будет бояться, но не сдаваться.

Третий бросок.

Кубик крутился долго, задел край ноутбука, упал на пол. Я нагнулась. **3.**

— Критический провал, — прошептала я. — Роль... она будет жертвой.

Я смотрела на тройку и чувствовала, как внутри поднимается злость. Жертва? Зачем мне ещё одна жертва? В моих прошлых книгах героини только и делали, что страдали, а потом выходили замуж за правильных мужчин. Я хотела другого. Я хотела, чтобы Альта не была жертвой.

Я взяла кубик, чтобы перебросить. И замерла.

«Ты не перебрасываешь. Ты обещала. Что выпало — то выпало».

Это был не голос Кайроса. Это был мой собственный голос, но какой-то другой — твёрже, темнее. Голос той, кто устала себе врать.

Я убрала руку. Оставила тройку.

— Хорошо, — сказала я. — Пусть будет жертвой. Но тогда я придумаю ей такое, от чего она перестанет быть жертвой. Она будет подчиняться, но выбирать подчинение. Она будет терпеть боль, но превращать её в удовольствие. Она будет... моей тенью. Той, кто делает то, на что я не решаюсь.

Я взяла ручку и написала на коллаже:

«Альта. Она — это я без тормозов. И если Кайрос ломает её — он ломает и меня. Но я не дам ему этого сделать. Или дам. Посмотрим».

Я отодвинула коллаж и открыла ноутбук. Курсор всё так же мигал. Теперь я знала, что писать.

>Альта вошла в комнату без окон. Она не знала, зачем её позвали. Только чувствовала: сегодня всё будет иначе.

>

>Кайрос сидел на столе, свесив ноги. В руке — красный кубик.

>

>— Ты готова? — спросил он.

>

>Она не знала, к чему. Но кивнула.

>

>— Тогда бросай, — он протянул ей кубик.

>

>Альта взяла. Кубик был тёплым — как живой.

>

>— А если выпадет единица? — спросила она.

>

>— Тогда ты узнаешь, что такое настоящая боль.

>

>— А если двадцать?

>

>— Тогда я узнаю.

>

>Она бросила. Кубик упал на каменный пол. Альта не смотрела. Она смотрела на Кайроса.

>

>Он нагнулся, поднял кубик, усмехнулся.

>

>— Три, — сказал он. — Критический провал. Твой ход, Альта.

>

>Она не спросила, что это значит. Она просто опустилась на колени.

>

>— Я готова, — сказала она.

>

>Кайрос встал со стола, подошёл, взял её за подбородок.

>

>— Посмотрим, — сказал он.

Я сохранила файл. Посмотрела на коллаж. Альта смотрела на меня со старой фотографии — белые волосы, светлые глаза, тайна.

— Ну здравствуй, — сказала я. — Теперь ты есть. И ты — это я.

Кубик лежал на столе гранью 3 вверх. Я не убрала его.

В окне серело. Начинался новый день. А я только что создала монстра и его жертву. Или себя и свою тень.

Я не знала, кто из них кто.

Но игра продолжилась.

Конец второй главы.

Глава 3. Комната без окон

Мостик от главы 2:

Мира закрыла глаза, и тьма за веками оказалась не пустой. В ней стоял запах сырого камня и воска. Чей-то голос сказал: «Иди». Она пошла. Или не она? Альта? Теперь не разобрать.

Мир Кайроса. Особняк.

Комната не имела окон. Альта поняла это не сразу — сначала она почувствовала запах. Сырой камень, старое дерево, воск. Потом — тишину. Не ту, что бывает в квартирах, где за стеной кто-то ходит или едет лифт. Абсолютную, как на дне колодца. И только потом — темноту. Не черноту, а густой полумрак, в котором угадывались очертания стола, двух стульев, канделябра с тремя свечами.

Она стояла на пороге, не помня, как сюда попала. В длинном чёрном платье, босиком на холодном каменном полу. В голове — пустота. Ни имени, ни прошлого, ни страха. Только смутное знание: *она должна быть здесь. Его ждать.*

Он сидел на столе. Высокий, угловатый, с лицом, которое трудно разглядеть в сумраке. Но Альта видела его глаза. Светлые, почти прозрачные, они смотрели на неё без удивления — будто он ждал её целую вечность.

— Ты здесь, — сказал он. Голос низкий, с хрипотцой, как у человека, который не привык повторять дважды.

Альта кивнула. Она не знала, есть ли у неё голос.

— Подойди.

Она сделала шаг. Пол под ногой скрипнул. Ещё шаг — и она уже у стола. Он не двигался. Только смотрел.

— Кто я? — спросила Альта. Не потому, что хотела узнать. А потому, что тишина давила.

— Ты — та, кого создали, — ответил он. — Имя тебе дали. Альта. Сокращение от «альтер-эго». Или от «альтернатива». Решать не мне.

Альта повторила про себя: *Альта*. Звук был чужим, но не неприятным. Как одежда, которая сначала жмёт, а потом становится своей.

— А ты?

— Кайрос. — Он усмехнулся. — Я здесь дольше. Но это не значит, что я знаю больше.

Он спрыгнул со стола и прошёлся по комнате. Шаги — медленные, тяжёлые — отдавались в каменном полу. Его тень скользила по стене, меняя очертания, хотя свечи не дрожали.

— Я буду задавать правила, — сказал он, останавливаясь у стены. — Ты будешь их слушать. Возражения не принимаются. Это не потому, что я злой. Это потому, что так устроен этот мир.

— Какой мир?

— Тот, который придумали для нас. — Он вернулся к столу, взял красный кубик d20. — Его создательница называет это «романом». Но для нас это реальность. Единственная, какая есть.

Альта смотрела на кубик. Грани тускло блестели в свете свечей.

— Правило первое, — продолжал Кайрос. — Мы не можем выбраться отсюда. Но можем играть. Правило второе: исход игры определяет кубик. Правило третье... — Он замолчал, поднёс кубик к губам, словно прислушиваясь к нему. — Правило третье ты узнаешь, когда придёт время.

— Что за игра?

Он протянул ей кубик. Альта взяла — он был тёплым, почти горячим, как живой.

— Ты бросаешь. Выпадает 1–10 — я задаю вопрос, ты отвечаешь честно. 11–20 — ты спрашиваешь, я отвечаю. Если кто-то врёт, кубик это чувствует. Тогда проигравший делает то, что скажет победитель. Без права отказа.

— А если я не хочу играть?

Кайрос наклонил голову. Его тень на стене шевельнулась, хотя он стоял неподвижно.

— Ты уже играешь. Ты здесь. Ты дышишь. Ты смотришь на меня. Это и есть игра.

Альта сжала кубик в ладони. Ей хотелось спросить: *«А если выпадет единица? Что тогда?»* Но она не спросила. Она

разжала пальцы и позволила кубiku упасть.

Он покатился по каменному полу, звеня, как монета. Замер у ног Кайроса.

Тот нагнулся, поднял.

— Три, — сказал он. — Критический провал. Мой вопрос.

Альта почувствовала, как в горле пересохло. Но она не отвела взгляд.

— Чего ты боишься больше всего? — спросил Кайрос.

Вопрос висел в воздухе, тяжёлый, как шторы на окнах, которых не было. Альта могла бы соврать. Сказать «пауков» или «темноты». Но кубик лежал на столе, и она знала: он почувствует ложь.

— Потерять себя, — сказала она. Голос не дрожал. — Я боюсь, что меня не было до того, как я вошла в эту комнату. И что меня не будет, когда я выйду. Что я — просто чья-то фантазия. И когда она закончится, я исчезну.

Кайрос молчал. Потом медленно обошёл стол, остановил-

ся у неё за спиной. Альта слышала его дыхание — сухое, прохладное, с запахом табака. Он не касался, но она чувствовала тепло его тела в миллиметре от своей спины.

— Ты боишься правильно, — сказал он. — Потому что это правда. Ты — фантазия. Её фантазия. — Он кивнул куда-то вверх, в темноту над потолком. — И я тоже. Но это не значит, что нас нет. Мы есть здесь. Сейчас. И пока мы играем — мы будем.

— А если она перестанет писать?

— Тогда мы застынем. Как мухи в янтаре. — Он вернулся на своё место, сел на стул, жестом предложил ей сесть напротив. Альта села. Дерево было холодным, шершавым. — Но она не перестанет. Она не может. Потому что мы — её тень. А от тени не отказываются.

Кайрос протянул руку через стол. Не коснулся — остановился в сантиметре от её пальцев. Альта почувствовала холод, исходящий от его ладони. Или жар? Она не могла понять.

— Ты не прикасаешься ко мне, — сказала она.

— Не прикасаюсь.

— Почему?

— Потому что сначала я хочу узнать, кто ты. Не по приказу. А по-настоящему. — Он убрал руку. — Игрушка, которая боится исчезнуть, интереснее игрушки, которая подчиняется со страху.

— Я не игрушка.

— Посмотрим.

Он взял кубик со стола, положил перед ней.

— Твой ход. Бросай.

Альта взяла кубик. Он снова был тёплым — или ей просто казалось? Она бросила, не глядя.

Кубик закрутился, подпрыгнул, упал на пол. Кайрос нагнулся, поднял.

— Девять, — сказал он. — Снова мой вопрос.

Альта сжала пальцы в кулак.

— Чего ты хочешь больше всего? — спросил Кайрос.

Она могла бы сказать: «Свободы». Или «Любви». Или «Вернуться туда, откуда пришла». Но слова застревали в горле.

— Я хочу, чтобы ты сделал мне больно, — сказала она. — Не потому, что я мазохистка. А потому, что тогда я буду знать: я жива. Я чувствую. Я существую не только в чьей-то голове.

Кайрос наклонился вперёд. Теперь их лица разделяли несколько сантиметров. Альта видела родинку над его губой, шрам на левом предплечье, тени под глазами.

— Хорошо, — сказал он. — Я сделаю тебе больно. Но не сегодня. Сегодня я только задаю вопросы. А ты — отвечаешь.

Он встал, подошёл к стене, провёл пальцем по камню. Альта увидела, как под его рукой появилась дверь — сначала очертания, потом ручка, потом щель, в которую пробивался слабый свет.

— Иди, — сказал он, не оборачиваясь. — Возвращайся завтра. Или через час. Время здесь не имеет значения.

Альта встала. Ноги не слушались, но она сделала шаг к двери.

— Альта, — окликнул её Кайрос.

Она обернулась.

— Ты не исчезнешь, — сказал он. — Даже если она перестанет писать. Ты останешься здесь. Со мной. Потому что я не дам тебе исчезнуть.

Он не улыбнулся. Но в его глазах что-то дрогнуло. Слабо, как отражение свечи в тёмной воде.

Альта вышла.

Дверь закрылась за ней без звука.

Реальность. Квартира Миры. Та же ночь.

Мира открыла глаза. Она сидела за столом, перед ноутбуком. На экране — текст, который она не помнила, чтобы писала. Но почерк был её.

Она перечитала последнюю фразу:

>«Он не улыбнулся. Но в его глазах что-то дрогнуло.»

— Кайрос, — прошептала она. — Ты снова ответил.

Она хотела стереть. Не стёрла.

Сохранила файл.

Красный кубик лежал на столе. Гранью 3 вверх.

Она не тронула его.

За окном серело. Начинался новый день.

Или продолжалась игра.

Конец третьей главы.

Глава 4. Кофе с корицей

Утром я проснулась с ощущением, что ночью прожила чужую жизнь. Или написала чужой роман. Или была им.

Я села на диване, свесила ноги. На столе — ноутбук, открытый на вчерашней сцене. Альта в комнате без окон. Кайрос с кубиком. Я перечитала последний абзац и не узнала свой голос. Слишком плавный, слишком тягучий. Словно писала не я, а кто-то, кто умеет дышать медленнее.

— Ты здесь? — спросила я у пустоты.

Никто не ответил. Но мне показалось, что красный кубик на столе чуть повернулся.

Я решила, что мне нужно выйти. Не потому, что хотелось. А потому, что если я останусь в квартире ещё на час, то сойду с ума или напишу сцену, где Кайрос делает что-то, что невозможно будет удалить.

Душ, джинсы, свитер. Волосы собрала в пучок, даже не расчесав. В зеркале — бледное лицо, синяки под глазами. Я намазала тональный крем, но он не помог. «Писательский

макияж», — усмехнулась я. Главное, чтобы не пахло кофеином и бессонницей.

Я вышла на улицу. Петербургское утро встретило меня привычной серостью. Двор-колодец, мусорные баки, кошка на подоконнике. Я свернула к метро, но на полпути передумала: слишком много людей, слишком много шума. Вместо этого зашла в кафе, которое открылось недавно у дома. «Место силы». Название пафосное, но внутри было уютно.

Кафе оказалось маленьким. Стены из некрашеного кирпича, деревянные полки с кофейными банками и горшками с живыми растениями. Большие окна выходили на тихую улицу. За стойкой стоял мужчина.

Я не сразу его рассмотрела. Сначала — руки. Длинные пальцы, часы с потёртым кожаным ремешком. Потом — фартук, заляпанный кофейной гущей. Потом — лицо.

Рыжая борода, аккуратно подстриженная. Карие глаза, тёплые, с лёгкими морщинками в уголках — от улыбок или от солнца, которого в Петербурге почти нет. Он был не красавцем. Но в нём было что-то... настоящее. Безопасное. Как плед, в который укутываешься в холодный вечер.

— Доброе утро, — сказал он. Голос спокойный, низкий.

— Доброе, — ответила я.

Я смотрела на меню, хотя могла бы заказать с закрытыми глазами. Капучино. Корица. Может быть, круассан.

— Вы впервые у нас? — спросил он.

— Да. Живу рядом, но как-то не заходила.

— Тогда советую капучино с корицей. Имбирный пряник тоже хорош.

Я подняла глаза. Он улыбался — не дежурной улыбкой обслуживающего персонала, а по-настоящему. От этой улыбки захотелось рассказать ему, что я писательница, что у меня творческий кризис и что прошлой ночью я создала монстра, который теперь живёт в моём ноутбуке. Но я просто сказала:

— Хорошо. Капучино с корицей. И пряник.

— Вам с собой или здесь?

— Здесь.

Я расплатилась картой. Он назвал моё имя, глядя на экран

терминала. Мира. Просто Мира. Без отчества, без фамилии. Я почему-то покраснела.

Села у окна, достала телефон, сделала вид, что читаю новости. На самом деле я смотрела на него краем глаза. Как он молот кофе, как взбивал молоко, как рисовал на пенке сердечко. Сердечко. Для незнакомой женщины в сером свитере. Я почувствовала, что краснею ещё сильнее.

Он принёс заказ сам. Поставил чашку на стол, рядом — тарелку с пряником.

— Приятного аппетита, Мира.

— Спасибо... — я запнулась. — А как вас зовут?

— Денис.

— Спасибо, Денис.

Он кивнул и ушёл за стойку. Я смотрела на сердечко на пенке и думала о том, что это, наверное, самое романтичное, что случалось со мной за последние три года. И что это глупо. И что мне нужно писать.

Кофе был вкусным. Пряник — имбирным, с цукатами. Я

сидела, пила, смотрела в окно. Денис обслуживал других посетителей, но иногда его взгляд падал на меня. Каждый раз я отводила глаза.

Я пробыла в кафе час. Или два. Я не смотрела на часы. Просто допила кофе, доела пряник, собралась уходить.

— Мира, — окликнул меня Денис, когда я уже взялась за ручку двери.

Я обернулась.

— Заходите ещё. У нас по вторникам скидка на пряники.

— Обязательно, — сказала я и вышла.

На улице моросил дождь. Я не взяла зонт. Но мне было не холодно.

Дома я сразу села за ноутбук. Открыла документ с романом. Курсор мигал в том же месте, где я остановилась. Я хотела продолжить сцену в мире Кайроса, но пальцы замерли.

Я смотрела на экран, а думала о Денисе. О его руках. О его улыбке. О том, что он назвал меня по имени.

— Глупости, — сказала я вслух. — Это просто бариста. Он каждому говорит имя.

Но внутри что-то ёкнуло. Я отогнала это чувство и начала писать.

>Альта снова стояла на пороге комнаты без окон. На этот раз она не ждала приглашения. Она вошла сама.

>

>Кайрос сидел на стуле, положив ноги на стол. В руке — кубик.

>

>— Ты думала о нём, — сказал он. Не спросил. Утвердил.

>

>— О ком?

>

>— О мужчине с рыжей бородой. Который нарисовал сердечко на твоём кофе.

>

>— Откуда ты знаешь?

>

>Кайрос усмехнулся.

>

>— Я — твоя тень. Я знаю всё, о чём ты думаешь. Даже то, о чём не хочешь себе признаваться.

>

>Альта промолчала.

>

>— *Напрасно, — сказал Кайрос. — Он не для тебя.*

>

>— *Откуда тебе знать?*

>

>— *Потому что ты — моя. Или ты забыла?*

Я остановилась. Перечитала. Последнюю фразу я точно не писала. Она появилась сама — как будто Кайрос влез в документ и дописал её своей рукой.

— Нет, — сказала я. — Ты не можешь. Это мой роман.

Я выделила фразу и нажала Delete. Она исчезла. Но курсор продолжал мигать, и мне показалось, что он смеётся.

Я сохранила файл, закрыла ноутбук.

Посмотрела на красный кубик. Он лежал гранью 3 вверх — как вчера, как позавчера. Я не трогала его.

За окном всё ещё моросил дождь. Я взяла телефон, открыла переписку с Алисой. Написала:

>«Встретимся? Мне нужно выговориться».

Ответ пришёл через минуту:

>«В винном баре в восемь. Ты расскажешь мне про своего монстра, а я про то, как меня уволили из очередного издательства. Договорились?»

Я улыбнулась.

>«Договорились».

Я убрала телефон, налила себе чай. Села на подоконник, прижалась лбом к холодному стеклу.

Я думала о Денисе. О его руках. О его улыбке.

Я думала о Кайросе. О его глазах. О том, что он написал про «не для тебя».

Я не знала, кто из них реальнее.

Но чувствовала, что скоро придётся выбирать.

Конец четвёртой главы.

Глава 5. Ресурс

Винный бар назывался «Порт». Находился он в подвале, с низкими сводами и свечами в бутылках. Пахло сыром, красным и старым деревом. Алиса уже сидела за угловым столиком, когда я вошла. Рыжие волосы растрёпаны, под глазом — размазанная тушь. Она выглядела так, будто её уволили не из очередного издательства, а из жизни.

— Ты плакала? — спросила она, садясь напротив.

— Нет. Это аллергия на идиотов. — Я пододвинула Алисе бокал с вином. — Пей. Мне нужна компания.

Она сделала глоток. Вино было терпким, с нотками вишни.

— Рассказывай, — сказала Алиса. — Что у тебя с романом? И с этим... как его... баристой?

— Денис.

— Ага, Денис. Ты писала мне про него. Кажется, ты влюбилась в кофе и бороду.

Я усмехнулась. Рассказала про утро: кафе, сердечко на пенке, его взгляд. Как он назвал меня по имени. Как я покраснела, как школьница.

— Это мило, — сказала Алиса. — Но я чувствую, что есть ещё что-то. Что ты не договариваешь.

Я помолчала. Потом выдохнула:

— Мой персонаж ожил. Он пишет за меня. Он знает, о чём я думаю. Он сказал, что Денис «не для меня».

Алиса поставила бокал. Посмотрела на меня так, будто я сообщила, что переезжаю на Марс.

— Ты говоришь метафорами? Или у тебя реально крыша поехала?

— Я не знаю. — Я провела пальцем по краю бокала. — Я написала сцену, где он говорит Альте: «Ты думала о нём. О мужчине с рыжей бородой». Я не вводила это в сюжет. Он сам появился.

— Мира, — Алиса наклонилась вперёд, — ты писательница. Ты сама придумала эту фразу. Просто забыла. Или вы-

теснила.

— Нет. Я помню всё, что пишу. А это... это написал не я.

Алиса вздохнула, откинулась на спинку стула.

— Ладно. Допустим, твой персонаж ожил. И что он хочет?

— Он хочет, чтобы я продолжала. Чтобы играла с ним в игру.

— В игру?

— Кубик. D20. Я бросаю, он отвечает. Или он бросает, я пишу.

Алиса молчала. Потом достала из сумки блокнот и ручку.

— Хорошо. Давай поиграем в мою игру. Ты называешь свой самый страшный сценарий. Я говорю, вытянула бы или пас.

— Это ещё зачем?

— Чтобы понять, где у тебя болит. — Алиса постучала ручкой по столу. — Называй.

Я закрыла глаза. В голове всплыли образы из вчерашней ночи. Кайрос, нависающий над Альта. Её шепот: «Медленно».

— Он связывает её. И оставляет одну в тёмной комнате на несколько часов. Она не знает, вернётся ли он.

— Вытянула бы, — сказала Алиса без паузы. — Это классика. Дальше.

— Он приводит других. Слуг. Они смотрят на неё, но не трогают. А она стоит голая.

— Тоже вытяну. Ощущение выставленности — это горячо. Дальше.

— Он заставляет её просить. Вслух. Называть свои самые постыдные желания.

Алиса задумалась. Потом кивнула:

— Вытяну. Но только если она сама хочет. Не под пыткой.

— А если под?

— Тогда это уже не игра. Это насилие.

Я открыла глаза. Посмотрела на неё.

— А если она не говорит «красный»? Если у неё есть стоп-слово, но она его не произносит?

— Значит, она хочет. — Алиса допила вино. — Мира, ты боишься, что твои фантазии делают тебя плохой?

— Наверное.

— Зря. У всех есть тёмная сторона. Разница только в том, кто признаётся, а кто нет. — Она взяла бутылку, разлила остатки. — Ты знаешь, какой жанр сейчас в топе? Dark romance. Морально серые герои, одержимость, сцены, от которых бабушки в метро крестятся. Читательницы хотят, чтобы их напугали. А потом утешили.

— Я не умею утешать.

— Научишься. Твой Кайрос — он же не просто монстр. Он заботится о ней. По-своему.

Я вспомнила фразу из третьей главы: *«Я не дам тебе исчезнуть»*.

— Может быть, — сказала я.

Мы сидели молча. В баре играл тихий джаз. Я смотрела на свечу в бутылке, на её неровное пламя.

— Алис, — спросила я. — Ты когда-нибудь хотела, чтобы кто-то решал за тебя? Чтобы не нужно было выбирать, что заказать, куда пойти, как жить?

— Каждый день, — ответила она. — Особенно после того, как меня кинул тот мудака из «Эксмо».

— И что ты сделала?

— Ничего. Просто продолжала выбирать. Потому что если не я, то кто? — Она усмехнулась. — Но в книгах... в книгах я позволяю себе мечтать. Чтобы пришёл кто-то сильный и сказал: «Ложись. Я всё решу». И я ложусь.

— И не боишься?

— Боюсь. Поэтому и читаю. Чтобы прожить страх в безопасности.

Я кивнула. Алиса посмотрела на часы.

— Мне пора. Завтра на собеседование в новое издательство. — Она встала, накинула куртку. — Мира, дописывай роман. Не бойся быть честной. Даже если честность — это сцены, которые тебе самой страшно писать.

— А если меня не поймут?

— Тогда ты найдёшь тех, кто поймёт. Их миллионы. — Она чмокнула меня в макушку. — Звони, если что.

Она ушла. Я осталась одна. Допила вино, расплатилась, вышла на улицу.

Дождь кончился. Асфальт блестел в свете фонарей.

Я шла домой и думала о том, что Алиса права. Я боюсь не Кайроса. Я боюсь себя. Ту, которая хочет, чтобы её связали. Ту, которая шепчет «медленно». Ту, которая создала монстра, потому что ей надоело быть безопасной.

Дома я села за ноутбук. Открыла документ. Курсор мигал.

Я посмотрела на красный кубик. Взяла его. Сжала в кулаке.

— Не переброшу, — сказала я. — Что бы ни выпало.

Я бросила кубик на стол. Он покатился, задел кружку, замер.

14.

Я выдохнула. Не критический провал, не критический успех. Что-то среднее. Как и моя жизнь.

Я убрала кубик и начала писать.

>Альта не спала. Она лежала на кровати в спальне, которую Кайрос выделил ей. Шёлк простыней холодил кожу. В окно — луна.

>

>Она думала о том, что сказал Кайрос: «Ты — моя. Или забыла?»

>

>Она не забыла. Но хотела забыть.

>

>В дверь постучали. Три удара. Она не ответила, но дверь открылась.

>

>Кайрос стоял на пороге, босиком, в расстёгнутой рубашке.

>

>— *Не спишь?*

>

>— *Не спится.*

>

>Он вошёл, сел на край кровати. Не касался. Просто смотрел.

>

>— *Ты думала о нём. О мужчине с рыжей бородой.*

>

>— *Нет.*

>

>— *Врёшь.*

>

>Она промолчала.

>

>— *Я не ревную, — сказал Кайрос. — Я предупреждаю. Он не для тебя. Он — для неё.*

>

>— *Для кого?*

>

>— *Для Миры. Для той, кто нас создала. А ты — для меня.*

>

>— *А если я не хочу быть для тебя?*

>

>Кайрос наклонился, взял её за подбородок.

>

>— Тогда скажи «красный». И я уйду. Навсегда.

>

>Альта не сказала.

>

>— Вот видишь, — усмехнулся он. — Хочешь.

>

>Он отпустил её, встал, пошёл к двери.

>

>— Завтра мы продолжим. А сейчас спи.

>

>Он вышел. Альта осталась одна.

>

>Она провела рукой по тому месту, где он касался. Кожа горела.

>

>Она не спала до утра.

Я сохранила файл. Закрыла ноутбук.

Красный кубик лежал на столе. Гранью 14 вверх.

Я не тронула его.

За окном серело. Я легла на диван, укрылась пледом.

Перед сном я подумала о Денисе. О его руках. О его улыбке.

И о том, что Кайрос сказал: «Он не для тебя».

Может быть, он прав.

Но я хотела проверить.

Конец пятой главы.

Глава 6. Первое прикосновение

Мир Кайроса. Особняк. Комната без окон — но уже не та.

Альта вошла и замерла. Вчера здесь было пусто: голые стены, каменный пол, стол, два стула. Сегодня пол устилал толстый ковёр — тёмно-бордовый, с длинным ворсом, мягкий, как шкура зверя. В углу горел камин. Пламя лизало чёрный мрамор, отбрасывало пляшущие тени на стены. Пахло дымом и сухим деревом.

Кайрос стоял у камина, спиной к ней. В руке — бокал с красным вином. Он не обернулся, когда она вошла. Но Альта знала: он ждал.

— Ты изменил комнату, — сказала она.

— Нет. — Он повернулся, сделал глоток. — Это она изменилась сама. Под нас.

— Под кого — под нас?

— Под то, что между нами растёт.

Он поставил бокал на каминную полку. Подошёл, остановился в шаге. Сегодня он был в чёрной рубашке, расстёгнутой на две пуговицы. Альта видела ключицы, ложбинку на шее, тёмные волосы на груди.

— Ты не спала, — сказал он.

— Ты знаешь.

— Я знаю всё, что ты чувствуешь. — Он поднял руку, провёл пальцами по её плечу — легко, почти невесомо. — Твоя кожа горит. Ты боишься, но не уходишь.

— Я не ушла.

— Значит, хочешь остаться.

Он убрал руку. Альта почувствовала, как холод возвращается туда, где только что было тепло.

— Раздевайся, — сказал Кайрос.

Не приказ. Не просьба. Констатация факта: это случится.

Альта медленно сняла платье через голову. Оно упало на

ковёр бесшумно. Она осталась в белье — белом, простом, почти невинном. Кайрос смотрел не отрываясь.

— Продолжай.

Она расстегнула бюстгальтер. Трусы упали к ногам. Она стояла перед ним нагая, не прикрываясь. В свете камина её кожа казалась золотой, шрам на левом бедре — серебряным.

Кайрос подошёл ближе. Теперь между ними не было расстояния. Она чувствовала жар его тела, запах табака и вина. Он поднял руку, провёл пальцем по её ключице — медленно, изучающе. Потом по шее. Потом по губам.

— Ты красивая, — сказал он. — Не поэтому я тебя хочу.

— А почему?

— Потому что ты не боишься показать, что боишься.

Его пальцы скользнули вниз, по груди, по животу, остановились на бедре — там, где шрам. Он провёл по нему кончиками пальцев. Альта вздрогнула.

— Больно?

— Нет. Странно.

— Почему?

— Потому что ты не спрашиваешь разрешения. Но и не приказываешь. Ты просто... делаешь.

— А ты хочешь, чтобы я спросил?

Она подняла глаза. В его взгляде не было насмешки. Только любопытство.

— Не знаю, — честно ответила она.

— Тогда я не буду спрашивать. И не буду приказывать. Я буду делать то, что чувствую. А ты скажешь «красный», если захочешь остановиться.

Он наклонился и поцеловал её в плечо. Легко, почти неведомо. Альта замерла.

— Поцелуй меня, — попросила она. — В губы.

Кайрос отстранился.

— Нет.

— Почему?

— Потому что поцелуй — это обещание. А я ещё не знаю, могу ли обещать.

Он взял её за руку, повёл к камину. Усадил на ковёр, сел напротив. Теперь они сидели лицом к лицу, разделённые только воздухом.

— Скажи, чего ты хочешь, — сказал он. — Не того, что я хочу услышать. Того, что правда.

Альта смотрела на огонь. Пламя лизало поленья, бросало искры.

— Я хочу, чтобы ты сделал мне больно, — сказала она. — Не потому, что мне нравится боль. А потому, что тогда я буду знать: я живу. Я чувствую. Я не просто картинка в чужой голове.

— Я сделаю тебе больно, — кивнул Кайрос. — Но не сегодня. Сегодня я хочу запомнить тебя такой. Не сломанной. Целой.

Он протянул руку, коснулся её щеки. Пальцы были холод-

ными, но Альта чувствовала, как под ними разгорается жар.

— Закрой глаза, — сказал он.

Она закрыла.

Его пальцы заскользили по её лицу — по лбу, по векам, по скулам, по губам. Медленно, словно он читал по её коже невидимую книгу. Альта сидела не дыша.

— Теперь ложись, — сказал он.

Она легла на ковёр. Ворс щекотал спину. Кайрос лёг рядом, на бок, положил голову на руку. Смотрел на неё сверху вниз.

— Я не буду трогать тебя там, где ты ждёшь, — сказал он.
— Я буду трогать там, где ты не ждёшь.

Его пальцы коснулись её лодыжки. Легко, как перо. Потом поднялись выше, по икре, по колену, по бедру. Остановились у шрама.

— Здесь, — сказал он. — Самое уязвимое место. Почему?

— Я не знаю. Я пришла с ним.

— Ты пришла с ним. — Он повторил, словно пробуя на вкус. — Значит, он — часть тебя. Я запомню.

Он наклонился и поцеловал шрам. Долго, нежно. Альта почувствовала, как по телу разливается тепло — не возбуждение, а что-то другое. Более глубокое. Более опасное.

— Не делай так, — прошептала она.

— Почему?

— Потому что я могу привыкнуть.

— А ты боишься привыкнуть?

— Да.

Кайрос поднял голову, посмотрел ей в глаза.

— Ты боишься правильных вещей, — сказал он. — Привыкнуть ко мне — это не опасно. Опасно — перестать бояться.

Он лёг на спину, уставился в потолок. Альта лежала рядом, глядя на его профиль — острый нос, сжатые губы, тени

под глазами.

— Кайрос, — позвала она.

— М-м?

— Ты когда-нибудь хотел быть реальным? Не персонажем, а человеком?

Он помолчал.

— Каждый раз, когда ты смотришь на меня, — сказал он.
— Я хочу быть реальным. Чтобы ты могла меня коснуться. И чтобы я мог коснуться тебя в ответ. Не в книге. В жизни.

— Это невозможно.

— Всё возможно. Просто нужно нарушить правила.

Он повернул голову, посмотрел на неё.

— Ты готова нарушить правила, Альта?

Она не ответила. Она просто протянула руку и коснулась его губ. Пальцами. Медленно.

Он не отстранился.

Они лежали так долго. Свечи догорали. Камин трещал. Тени плясали на стенах.

— Мне пора, — наконец сказал Кайрос. — Она проснётся. И увидит то, что мы написали.

— А мы написали что-то?

— Мы написали тишину. Самый громкий звук.

Он встал, подал ей руку. Альта поднялась. Он накинул на неё халат, висевший на спинке стула — она не заметила, когда он там появился.

— Иди, — сказал он. — Спи. Завтра будет новый бросок.

Она пошла к двери. На пороге обернулась.

— Кайрос?

— Да.

— Ты сказал, что поцелуй — это обещание. А то, что ты делал сегодня — это что?

Он усмехнулся.

— Это вопрос без ответа. Иди.

Она вышла. Дверь закрылась.

Кайрос остался один. Он подошёл к камину, взял бокал с вином, но не пил. Смотрел на огонь.

— Она не сказала «красный», — сказал он в пустоту. — Ни разу.

Пламя дрогнуло, словно услышало.

Он поставил бокал, вышел из комнаты.

Ковёр и камин остались. Но огонь погас сам собой.

Реальность. Квартира Миры. Утро.

Я проснулась от запаха дыма. Села на диване, огляделась. Ноутбук закрыт, свечи погашены, красный кубик на столе. В комнате не пахло ничем, кроме моего кофе — остывшего,

горького.

Я открыла ноутбук. На экране — новая страница текста.

*>Они лежали на ковре, глядя в потолок. Он коснулся её
ирама губами. Она не сказала «красный». Ни разу.*

Я перечитала. Перечитала ещё раз.

Я не помнила, чтобы писала это. Но почерк был мой.

— Кайрос, — прошептала я. — Что ты делаешь со мной?

Я хотела стереть. Не стёрла.

Сохранила.

Красный кубик лежал гранью 14 вверх — тот самый бросок, который я сделала вчера.

Я не тронула его.

За окном занимался рассвет. Я взяла телефон, написала Денису:

>«Сегодня я снова приду за кофе. С корицей. И пряником».

Ответ пришёл через минуту:

>«Жду. У нас ещё есть имбирный и шоколадный. Выбирайте».

Я улыбнулась. Выбрала имбирный.

И пошла в душ.

Конец шестой главы.

Глава 7. Правила игры

Две недели. Или две минуты. Время в мире Кайроса текло иначе — то растягивалось, как патока, то сжималось в точку. Альта перестала его замечать. Она просыпалась в своей спальне, шла в комнату без окон, разговаривала с Кайросом, возвращалась. Иногда между их встречами проходили часы. Иногда — дни. Она не знала. Она знала только, что каждый раз, когда она входила, он смотрел на неё так, будто видел впервые. И каждый раз — будто прощался.

Сегодня он сидел на полу у камина, положив руки на колени. Без бокала, без кубика. Просто сидел и смотрел на огонь.

— Иди сюда, — сказал он, не оборачиваясь.

Альта села рядом, подобрав под себя ноги. Ковёр был тёплым от камина.

— Ты хочешь поговорить, — сказала она. Не спросила.

— Да. О правилах.

— Ты уже рассказал о правилах. Кубик. Вопросы. Стоп-

СЛОВО.

— Это правила игры. А я хочу говорить о правилах между нами.

Он повернулся к ней. Его лицо в свете огня казалось вырезанным из старого дерева — морщины у глаз, жёсткая линия рта.

— Когда я касаюсь тебя, — сказал он, — ты не отстраняешься. Но и не тянешься навстречу. Ты ждёшь. Застываешь. Как кролик перед удавом.

— Я боюсь.

— Чего?

— Пошевелиться. Вдруг ты остановишься.

Кайрос усмехнулся.

— Я не остановлюсь. Я остановлюсь только если ты скажешь «красный». Или если увижу, что тебе действительно плохо.

— А ты увидишь?

— Я вижу всё. Твои зрачки расширяются, когда я приближаюсь. Твоя кожа покрывается мурашками, когда я говорю твоё имя. Твои губы приоткрываются, когда я молчу. — Он наклонился ближе. — Я вижу, как ты хочешь меня. И как боишься этого хотеть.

— Это стыдно, — прошептала Альта.

— Не стыдно. Это правда.

Он протянул руку, взял её ладонь, переплёл пальцы.

— Я хочу, чтобы ты перестала бояться своей правды. Хотя бы здесь. Со мной.

— А если моя правда — это то, что я хочу, чтобы ты сделал мне больно? — Альта подняла глаза. — Не ласково. Не нежно. А так, чтобы я кричала?

Кайрос молчал. Потом убрал руку, встал, подошёл к стене. Альта видела, как напряглись его плечи.

— Ты не знаешь, чего просишь, — сказал он.

— Знаю. Я хочу, чтобы ты перестал быть нежным. Я хочу,

чтобы ты взял меня. Грубо. Как в первый раз. Но чтобы я знала: ты делаешь это не потому, что я вещь. А потому, что я прошу.

Он обернулся. В его глазах горело что-то дикое, сдерживаемое.

— Альта, — сказал он хрипло. — Если я сделаю это, я не смогу остановиться. Не сразу.

— Я знаю.

— Ты можешь пожалеть.

— Я уже жалею, что мы теряем время.

Он подошёл к ней, взял за плечи, приподнял. Она встала. Теперь они стояли лицом к лицу, его пальцы впивались в её плечи.

— Ты помнишь стоп-слово? — спросил он.

— Красный.

— Если ты скажешь его, я исчезну. Навсегда. Не только из этой комнаты — из всего. Из её романа. Из твоей жизни.

— Я не скажу.

— Ты не знаешь.

— Знаю.

Кайрос зарычал — низко, почти неслышно — и прижал её к стене. Спинай она ударилась о камень, но не вскрикнула. Он сжал её запястья, поднял над головой, прижал к стене. Тело навалилось, горячее, тяжёлое. Она чувствовала его дыхание на своей шее.

— Ты уверена? — спросил он в последний раз.

— Да.

Он впился поцелуем в её шею — не ласково, нежно, а голодно, жадно. Альта выгнулась, запрокинула голову. Его зубы царапали кожу, язык лизал следы укусов. Она не стонала — она задыхалась.

Он отпустил её запястья, но она не опустила руки. Сама держалась за стену, сама не хотела двигаться.

— Хорошая девочка, — прошептал он. — Слушаешься

даже без приказа.

Его руки скользнули по её телу — грубо, быстро, без нежности. Он расстегнул платье, стянул его вместе с бельём, оставляя её голой. Она не сопротивлялась. Он развернул её лицом к стене, прижал грудью к камню.

— Не двигайся, — приказал он.

Она замерла.

Он вошёл в неё резко, без подготовки, как в первый раз. Альта вскрикнула — от неожиданности, от боли, от облегчения. Он двигался жёстко, ритмично, одной рукой держа её за затылок, прижимая к стене, другой — сжимая бедро, пальцы впивались в шрам.

— Скажи, что ты моя, — прорычал он.

— Я твоя.

— Скажи, что хочешь этого.

— Я хочу.

— Скажи, что не остановишь меня.

— Не остановлю.

Он ускорился. Альта вжималась лицом в холодный камень, губы царапали шершавую поверхность, но она не просила пощады. Она ловила каждое движение, каждую вспышку боли, которая перетекала в наслаждение.

Он кончил первым, замер, уткнувшись лицом ей в затылок. Потом отстранился, отошёл. Альта сползла по стене на пол.

— Не оборачивайся, — сказал он. — Я не хочу, чтобы ты видела моё лицо сейчас.

Она не обернулась.

Она сидела на полу, голая, дрожащая, с царапинами на спине и губах. Ей было больно. Ей было стыдно. Ей было хорошо. Так хорошо, что она не могла дышать.

— Альта, — позвал он.

— Да.

— Посмотри на меня.

Она повернулась. Кайрос стоял в трёх шагах, одетый, только рубашка расстёгнута. Лицо — спокойное, даже отстранённое. Но глаза... в них плескалось что-то тёмное, что она не могла прочитать.

— Ты не сказала «красный», — сказал он.

— Я не хотела.

— Ты не пожалела?

— Нет.

Он подошёл, наклонился, поднял её с пола. Закутал в халат, который откуда-то взялся.

— Тогда завтра повторим, — сказал он. — И послезавтра. И каждый день, пока ты не скажешь «красный» или пока я не поверю, что ты моя.

— А когда ты согласишься?

— Никогда. Я не умею верить.

Он поцеловал её в лоб — легко, почти невесомо — и вы-

шел.

Альта осталась одна. Она подошла к камину, посмотрела на огонь. В отражении чёрного мрамора она увидела себя — растрёпанную, красные следы на шее, припухшие губы. Она улыбнулась.

— Я тоже не умею верить, — сказала она огню. — Но, кажется, учусь.

Реальность. Квартира Миры. День.

Я сидела за столом, не в силах оторваться от экрана. Глава 7 написалась сама — или не сама? Я не помнила, как печатала эти слова. Но они были моими. И не моими одновременно.

Я перечитала последний абзац. *«Я тоже не умею верить, но, кажется, учусь».*

— Кайрос, — прошептала я. — Ты делаешь её сильнее. Или слабее?

Я не знала ответа.

Я посмотрела на красный кубик. Он лежал гранью 1 вверх. Критический провал. Или критический успех? Я больше не понимала.

Я взяла кубик, сжала в кулаке.

— Хочешь играть? Давай.

Я бросила на стол. Кубик покатился, замер.

20.

Я выдохнула.

— Критический успех. Твой ход, Кайрос.

Экран ноутбука мигнул. На нём появилась новая строка — не мной написанная.

>«Мой ход, Мира. Я иду к тебе».

Я захлопнула крышку.

Сердце колотилось где-то в горле.

Я ждала.

Ничего не случилось.

Только запах табака в комнате стал чуть сильнее.

Или мне показалось.

Конец седьмой главы.

Глава 8. Сцена на stole

Мир Кайроса. Особняк. Комната без окон.

Алта пришл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.